

С. С. Бредихин

ТРУД В БЫТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ: ПРОТИВОРЕЧИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматриваются вопросы существования человека, обладающего специфическими характеристиками, позволяющими отнести его к социальной группе молодежи в условиях трансформации социо-культурной реальности и трудового атрибута человеческого бытия. Проводится анализ пребывания молодежи в условиях описываемого состояния «трудового вакуума». Исследуются ключевые противоречия данного пребывания и возможности преодоления данных противоречий.

Ключевые слова: человек, труд, молодежь, постмодерн, флексибелизация, трудовой вакуум.

S. S. Bredikhin

LABOR IN THE EXISTENCE OF MODERN YOUTH: CONTROVERSIES AND PERSPECTIVES

This article discusses the existence of a person who has specific characteristics which allow to bring it to a social group of youth, in terms of the transformation process of socio-cultural reality and labor attribute of being human. The article analyzes how youth exists in a state described as the «labor vacuum». Discusses the key contradictions of this existence and the possibility of overcoming these contradictions.

Keywords: human, labor, youth, postmodern, flexibility, labor vacuum.

Труд является одним из ключевых феноменов человеческого бытия. Однако в современном социо-культурном состоянии труд претерпевает коренные сдвиги, что не может не сказаться на существовании человека в целом. Социальной группой, занимающей фронтальную позицию в этой социо-культурной и трудовой трансгрессии, является молодежь, которая в силу данного особого положения оказывается носителем, с одной стороны, наиболее острых противоречий, а с другой – перспективных тенденций преодоления данных противоречий.

Молодежь как специфическая социальная группа имеет ряд устойчивых характеристик:

1. Неопределенность настоящего и устремленность в будущее.
2. Маргинальное общественное положение.
3. Высокий потенциал общественной активности.

4. Критичность и негативизм.

5. Высокая раздробленность и неоднородность при одновременном стремлении к солидарности.

6. Достаточно высокий уровень интеллектуального развития при сравнительно большой образованности и больших возможностях получения информации.

7. Обостренное чувство социальной справедливости.

8. Подверженность иллюзиям. Отсутствие жизненного опыта обуславливает возможность широкого распространения разнообразных социальных и политических иллюзий.

9. Стремление к независимости и самостоятельности.

10. Высокий уровень притязаний.

Обобщая данные характеристики в приложении к трудовому аспекту бытия молодежи, мы можем сформулировать «модель социального бытия молодежи». Данная модель описывает молодежь в качестве особого элемента социального поля, который обладает, во-первых, большой «социальной массой» (в которую входят высокий уровень интеллектуального развития, обостренное чувство социальной справедливости, стремление к солидарности), во-вторых, высоким «социальным потенциалом» (высокий уровень притязаний, подверженность иллюзиям, неопределенность настоящего и устремленность к будущему, критичность и негативизм, маргинальность, раздробленность, стремление к независимости).

Труд сегодня включается в игру слабых связей, его растекающаяся, подвижная, разделенная, разобщенная и дерегулированная версия уничтожает зависимость от него Капитала¹. Если ранее он был постоянным и планомерным, то теперь он превратился в спонтанную низкооплачиваемую труд-услугу, и бывшие рабочие-специалисты стали прислугой. В рамках эмпирических исследований западные социологи оперируют термином «флексибельность» (гибкость) для определения подобного состояния труда, при этом в их исследованиях подчеркивается, что такая гибкость ведет не только к прямому воздействию на психическое здоровье трудящегося, приводя его в состояние депрессии и упадка, вызванных чувством незащищенности и отсутствием стабильности, но и приводит к коррозии социальности, атомизации, необоснованной и негативной интенсификации труда [1; 3; 4]. Данные тенденции не являются отрывочными или единич-

¹ А это та самая зависимость о которой говорил Гегель в своей диалектике раба и господина.

ными, но укладываются в новую модель бытия человека в труде, которую принято обозначать как постфордистскую модель. Эмпирические исследования, проводимые в западных странах, в которых становление новой модели труда происходит наиболее интенсивно, позволяют выделить следующие черты этой модели [2]:

1. Флексибилизация;
2. Разграничение (детерриторизация);
3. Деформализация;
4. Самоорганизация и управление контекстом (сотрудники должны стремиться к увеличению своих усилий и изыскивать для этого ресурсы);
5. Идеологизация (в направлении идеологии корпоративного государства);
6. Индивидуализация;
7. Фрагментация интересов.

Исходя из указанных черт новой модели труда, мы можем определить возникающее состояние труда как «трудо́вой вакуум». Трудо́вым вакуумом мы называем особое состояние, которое характеризуется отсутствием смысловой, вещественной, темпоральной наполненности труда.

Используя сформулированную выше «модель социального бытия молодежи» и основываясь на определении трудового вакуума, мы можем определить ключевые противоречия и перспективы труда в бытие современной молодежи.

Оказываясь в трудовом вакууме, молодежь, обладающая большой социальной массой и высоким социальным потенциалом, оказывается под воздействием ряда процессов. Во-первых, молодежь теряет социальную массу. В условиях трудового вакуума для нее оказывается недостижима солидарность, так как фрагментация интересов и индивидуализация лишают солидарность любых оснований. Кроме того, идеологизация, навязанные требования самоорганизации и самоконтроля лишают молодежь возможностей развития разума; наблюдается своеобразное «бегство от разума», когда молодежь отказывается от разума, рассматривая его в качестве бремени. Наконец, обостренное чувство социальной справедливости также нивелируется через процессы идеологизации, самоорганизации и фрагментации интересов. Молодежь, таким образом, оказывается лишенной своей социальной массы – она более не способна ни к созиданию вещи, ни к

созиданию смысла; она не способна в своем труде оказать какое-либо воздействие на ткань исторического процесса.

В то же время трудовой вакуум благотворно сказывается на реализации социального потенциала. Не встречая в этом вакууме сопротивлений, но напротив, оказываясь в условиях деформализации, детерриторизации и флексибельности, молодежь в полной мере развивает свой социальный потенциал: максимизирует уровень претензий (ничем не обеспеченных) и негативизма (отрицание традиций, возможностей коренных изменений, циничный разум и пр.), впадает в различные иллюзии (идеология успеха, подверженность рекламе и пр.), маргинализируется, индивидуализируется и стремится к независимости от любых детерминаций (благодаря чему оказывается во власти наиболее изощренных и глубоких форм подчинения).

Исходя из определенных противоречий, мы можем усмотреть перспективы труда в бытии современной молодежи. В условиях лишенности социальной массы молодежь всецело оказывается социальным потенциалом, то есть движущейся энергией, лишенной массы и неспособной поэтому на оказание какого-либо воздействия на социальную реальность. Неся в себе разнообразные эффекты этой реальности, молодежь устремляется на огромной скорости в ничто, а все проявления ее бытия сводятся к быстроисчезающим «световым эффектам». В подобных условиях никаких перспектив у молодежи нет, она оказывается обреченной на бессмысленное сгорание в трудовом вакууме. Единственной возможностью выхода из этих условий является «трудовой прорыв» – обретение молодежью социальной массы через совершение неполитического коренного переворота социальной реальности, через прорыв симуляторного поля к твердой реальности вещей, смысла и истории.

Таким образом, подводя итог рассмотрению, предпринятому в данной статье, мы можем заключить, что труд в бытии современной молодежи предстает в виде своеобразного трудового вакуума, оказываясь в котором, молодежь теряет свою социальную массу и максимизирует социальный потенциал, который оказывается направлен в пустое ничто, и выход из подобного состояния возможен лишь через совершение трудового прорыва «большой эфемерной пленки» постмодернистской реальности.

Список литературы

1. Клемент К. М. Флексибельность по-русски – сгибаемые и несгибаемые работники // Отечественные записки. 2007. № 4. С. 1–13.
2. Найнхоффер Г. Современные «постфордистские» новации в западноевропейском менеджменте // Становление трудовых отношений в постсоветской России (Социологический анализ пяти случаев российского менеджмента в сравнении с практикой Канады и Германии). М. : УКГФ, 2004. С. 244–255.
3. Jenkins A. Flexibility, individualization and employment insecurity in France // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1998. № 7. P. 22–38.
4. Wichert I. Job insecurity and work intensification: The Effects on health and well-being // Job Insecurity and the Work Intensification. London : Routledge, 2002. P. 92–111.